

methodological approaches of humanistic psychoanalysis, meta-anthropology and androgyne analysis are productivity for answering it. The problem of the androgynous integrity of a man, a couple, of mankind, which overcomes everything destructive in the political life of the personality and brings him to the present culture is posed.

Keywords: political leadership, humanistic psychoanalysis, androgyne-analysis, meta-anthropology, constructiveness, destructiveness, biophilia.

* * *

УДК 004.738.5+291.11

Добродум О. В.,

доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии, Киевский национальный
университет культуры и искусства (Украина, Киев),
dobrodum.olga@gmail.com

Конфликтотенний потенціал соціально-технологічної тематики

Одной из характеристик современной эпохи являются технологические инновации. На данном этапе социального развития термины «киберпространство», «виртуальная реальность» и «информационные войны» перешли из исключительно технического оборота в дискурс философский, религиозно-этический и политологический. Сущность техники может представлять как демоническая, антиестественная и враждебная человеку сила: технофобия как идея фактически зародилась вместе с самой техникой. Люди на протяжении всего технического века либо восхищались и преклонялись перед ней, либо же, напротив, экзистенциально боялись как чего-то зловещего и демонического. Киберпространство обладает развивающимся религиозным сегментом: в нем находят свою нишу практически все существующие в оффлайне религии, конфессии, движения и деноминации. Виртуализация религии может восприниматься в контексте информационных войн, компьютерного эскапизма, технологического тоталитаризма «единой религии».

Ключевые слова: информационные войны, виртуализация религии, технофобия.

(статья друкується мовою оригіналу)

Одной из характеристик современной эпохи являются технологические инновации. На данном этапе социального развития термины «киберпространство», «виртуальная реальность» и «информационные войны» перешли из исключительно технического оборота в дискурс философский, религиозно-этический и политологический [1]. Целью данной статьи является проблемное рассмотрение социально-технологической тематики.

Критическое отношение к информационным технологиям достаточно явственно: ежегодно 17 мая проводится Международный день информационного общества, 6 февраля – День безопасного Интернета, 3 мая – Международный день без компьютера. Еще в XIX в. русский писатель А. Герцен предрекал, что деспотизм будущего будет гораздо страшнее деспотизма прошлого, ибо это будет «Чингисхан плюс телеграф», т.е., выражаясь современным языком, тоталитаризм – это «Сталин плюс компьютер» [2, с. 21]. А один из создателей Всемирной Сети Т. Бернерс-Ли считал, что его детище может вскоре оказаться в руках у сил Зла, имея в виду контроль, цензуру, манипуляционное воздействие мультимедийных технологий на сознание пользователей [3].

Сущность техники может представлять как демоническая, антиестественная и враждебная человеку сила: технофобия как идея фактически зародилась вместе с самой техникой. Люди на протяжении всего технического века либо восхищались и преклонялись

перед ней, либо же, напротив, экзистенциально боялись как чего-то зловещего и демонического. Еще в первобытном мифе техника предстает как небогоугодное предприятие (легенда о «Вавилонской башне», древнегреческие мифы о Прометее и об Икаре). Еще во времена Тацита математиков и механиков преследовали как преступников, причисляя их к «жуликам и махинаторам».

В средневековой Европе технофобия получает сильный импульс развития в виде фактически поощряемой церковью идеи о сатанинском происхождении технических новаций («история о докторе Фаусте»). Новое время в Европе ознаменовалось «бунтами» против машин, станков и других механизмов. Социальная обусловленность «технофобии» была выражена Ж.–Ж. Руссо, призывавшим человечество вернуться «назад к природе» и в «Золотой век».

В современной эпохе «технофобия» присутствует, прежде всего, в так называемых «антисциентистских направлениях» западной философии, таких, например, как философия жизни и вырастающие из нее экзистенциализм и философская антропология. К технофобам можно причислить и некоторых теоретиков «глобально-экологического катастрофизма», среди которых А. Печчеи, Д. Медоуз, Дж. Форрестер, П. Эрлих, А. Дж. Бахм, Г. Гардин и др.

Виртуальная реальность некоторыми воспринимается и как нечто недочеловеческое и даже inferнальное в русле рассуждений Э. Фромма о некрофилии, как воплощение «Thanatos» в терминологии З. Фрейда. Здесь же, пользуясь концептуальным наследием психоанализа, можно представить, как грядущие архетипы high-tech восстают из глубин коллективного бессознательного.

Футурологичными версиями глобального информационного развития выглядят сообщения о том, что хакеры могут осуществлять кибер-атаки через кофеварки и холодильники, поддерживающие технологию WI-FI, способствовать появлению вирусов для «умных» калькуляторов и стиральных машин, а также то, что кибертерроризм может конкурировать по угрозе с ядерным. Исследователь high-tech Й. Масуда акцентирует внимание на фактах компьютерного эскапизма, техногенного Апокалипсиса, ухода человека в виртуальную реальность, актуализации «Homo Faber» и техносферы, полагая, что технотронная революция будет материальной базой расширения индивидуального сознания до глобальных масштабов. Ученый также говорит о неоренессансе и о возрождении теологического синергизма человека и Бога, о формировании в системе человек-машина киберкультуры [4]. Психолог С. Выгонский определяет виртуальную реальность как массовую галлюцинацию, в контексте того, что IT делают возможным манипуляцию общественным сознанием [5].

Один из теоретиков постмодернизма М. Эпштейн в статье «Из тоталитарной эпохи – в виртуальную» описывает проект «контртеологической революции», подчеркивая: агент Сети может изобрести целый мир, поставив себя в его центре и заставив его жить по своим законам. Виртуальная реальность позволяет ему быть поставленным на место «умершего Бога»: она вторгается в область бессознательного, провоцируя субъективные фантазии и заявляя о тотальности «коллективного бессознательного». Этот inferнальный мир населяют

демоны. В нем реализовались комплексы безбожного человека по отношению к Богу: уподобиться Творцу и лишиться собственное творение дара божественной любви и свободы [6].

В то же время, осуществляется конструирование параллельной институциональности, виртуализация сознания находит отражение в распространении форм культуры, связанных с эскапизмом, будь то «параллельные миры», «альтернативные реальности», воображаемое прошлое или фантастические представления о культурах экзотических народов.

Коммуникационная сфера в целом и СМИ в частности становятся участниками вооруженных конфликтов, и борьба на информационном поле является не менее важной, чем непосредственные боевые действия: это дает повод предполагать, что в будущем масс-медиа заменят политические партии. То, что именно средства массовой коммуникации стали играть ведущую роль в провоцировании политических конфликтов, понимал лидер русской Национал-большевистской партии (НБП) Э. Лимонов (Савенко), отметивший, что нельзя начинать вооруженный конфликт в регионе «весьма далеко от магистральных путей СМИ. А СМИ сегодня как объекты внимания повстанцев значат намного больше, чем почта, вокзал и телеграф, вместе взятые, во времена Ленина» [7].

Как отмечается в докладе Института национальной стратегии РФ «Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации», под вселенской церковью понимается Голливуд, а Матрица объявила войну другому миру, еще не оцифрованному, не «вавилонизированному», создавая роскошные голливудские постановки милитаризованного технофундаментализма, прикрывающегося риторикой телепроповедников вроде Билли Грэма. Складывается религия Матрицы, постпротестантизм «смерти Бога» мутирует в разновидность парарелигиозного сознания и мессианизма политических элит, совмещенный с магией технического всемогущества. Подобно иудаизму, религия Матрицы дана избранному народу – американскому; техносфера существует для всех людей, но ее трансцендентный источник расположен в США. Сегодняшнюю Америку можно рассматривать как территорию синкретического единства постпротестантского неофундаментализма «голливудского» типа [8].

Индоктринация технократических мифов о «тотальной коммуникации» и «информационном тоталитаризме» в виртуальный дискурс констатирует процесс колонизации пространства коммуникации передовыми технологиями постиндустриализма, несущими в себе угрозу символическим структурам цивилизации модерна. В эпоху виртуализации и постмодерна человек погружается в реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, не всегда осознавая ее эфемерность.

Еще президент США Г. Гувер предвещал появление культа массового человека как культа медиа-культуры. CNN-изация мира, глобальная коммуникационная революция, власть печатного текста приводят к ситуации, когда журналисты превращаются в магов, властителей душ и жрецов, порой СМИ доверяют больше, чем церкви, IV медиа-власть и V власть киберпространства вытесняет власть первых трех.

Дают о себе знать также либеральные и консервативные проблемы алибиизации и стигматизации технологий. В соответствии с консервативной позицией предполагается сатанинское происхождение и inferнальные истоки high-tech. Интернет предстает как монстр и Библейский Зверь, ожившая Вавилонская Башня, Царство Антихриста, феномен оккультно-языческо-магического характера. Медиа-послания вещают языком ксенофобии, маркируют религиозные традиции как экстремистские и фундаменталистские.

Высказываются допущения и о том, что во Всемирной сети водятся бесы, а вирусы научились убивать не только компьютеры, но и людей: на кибернетических сайтах ужасов смертоносные потусторонние существа имеют привлекательный вид, онлайн-клубы самоубийц учат суициду. Оппоненты виртуализации религии акцентируют внимание на секулярном духе мультимедийной религиозности, на тенденциях мифологизации и стереотипизации религии в СМИ, на том, что самой массовой религией стала медиа-религия, что во Всемирной сети распространено религиозное конструирование и сетевой индивидуализм, одушевление и обожествление техники, ее культ и фетишизация.

Таким образом, киберпространство обладает развивающимся религиозным сегментом: в нем находят свою нишу практически все существующие в оффлайне религии, конфессии, движения и деноминации. Виртуализация религии может восприниматься в контексте информационных войн, компьютерного эскапизма, технологического тоталитаризма «единой религии» – более того, информационные войны становятся неотъемлемым спутником религиозной жизни.

Список использованных источников

1. Practicing Religion in the age of the media: exploration in media, religion, and culture / St. M. Hoover and L. S. Clark. – N.Y.: Columbia University Press, 2002.
2. Цит. по: Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. – М.: ББИ, 2003. – 655 с.
3. Беккария Г. Создатель Интернета: «Web грозит коллапс» // inoSMI. – 2006. – 3 ноября.
4. Масуда И. Комп'ютологія // Філософська і соціологічна думка. – 1993. – №6.
5. Выгонский С. И. Виртуальная реальность как массовая галлюцинация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sv-psycho.narod.ru/virtual.html>
6. Эпштейн М. Из тоталитарной эпохи – в виртуальную: введение в Книгу книг // Континент. – 1999. – №102. – С.355–366.
7. Цит. по: Роль СМИ в военно-политических конфликтах современности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/smi.htm>
8. Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации / Доклад Института национальной стратегии // Стратегический журнал. – 2006. – №2.

References

1. Practicing Religion in the age of the media: exploration in media, religion, and culture / St. M. Hoover and L. S. Clark. – N.Y.: Columbia University Press, 2002.
2. Cit. po: Pospelovskij D. Totalitarizm i veroispovedanie. – M.: BBI, 2003. – 655 s.
3. Bekkarija G. Sozdatel' Interneta: «Web grozit kollaps» // inoSMI. – 2006. – 3 nojabrja.
4. Masuda Y. Komp'jutologija // Filososfs'ka i sociologichna dumka. – 1993. – №6.

5. Vygon'skij S. I. Virtual'naja real'nost' kak massovaja galljucinacija [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sv-psycho.narod.ru/virtual.html>

6. Jepshtejn M. Iz totalitarnoj jepohi – v virtual'nuju: vvedenie v Knigu knig // Kontinent. – 1999. – №102. – S.355–366.

7. Cit. po: Rol' SMI v voenno-politicheskih konfliktah sovremenosti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.psyfactor.org/smi.htm>

8. Novejshee Srednevekov'e. Religioznaja politika Rossii v kontekste global'noj transformacii / Doklad Instituta nacional'noj strategii // Strategicheskij zhurnal. – 2006. – №2.

Dobrodum O. V., D.Sc. Associate Professor of Philosophy Department of Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine, Kyiv), dobrodum.olga@gmail.com

Conflictogenic potential of social–technological thematics

One of the characteristics of the modern era is the technological innovation. At this stage of the social development, the terms «cyberspace», «virtual reality» and «information wars» have moved from purely technical discourse to philosophical, religious and political one. The essence of technology can appear as a demonic, unnatural and hostile to man power: technophobia as an idea actually originated with the technology itself. People throughout the whole technical age either admired and worshipped it, or, on the contrary, existentially feared as something ominous and demonic. Cyberspace has a developing religious segment: it finds its niche for almost all offline religions, confessions, movements and denominations. Virtualization of religion can be perceived in the context of information wars, computer escapism, technological totalitarianism of a «unite religion».

Keywords: information warfare, virtualization of religion, technophobia.

Добродум О. В., доктор філософських наук, доцент, професор кафедри філософії, Київський національний університет культури і мистецтв (Україна, Київ), dobrodum.olga@gmail.com

Конфліктогенний потенціал суспільно–технологічної тематики

Однією з характеристик сучасної епохи є технологічні інновації. На даному етапі соціального розвитку терміни «кіберпростір», «віртуальна реальність» і «інформаційні війни» перейшли з виключно технічного обігу в дискурс філософський, релігійнознавчий та політологічний. Сутність техніки може поставати як демонічна, антиприродна та ворожа людині сила: технофобія як ідея фактично зародилася разом із самою технікою. Люди протягом усього технічного століття або захоплювалися і схилилися перед нею, або ж, навпаки, екзистенційно боялися як чогось зловісного і демонічного. Кіберпростір має релігійний сегмент, що розвивається: у ньому знаходять свою нішу практично всі існуючі в офлайн релігії, конфесії, рухи і деномінації. Віртуалізація релігії може сприйматися у контексті інформаційних воєн, комп'ютерного ескапізму, технологічного тоталітаризму «єдиної релігії».

Ключові слова: інформаційні війни, віртуалізація релігії, технофобія.

* * *

УДК 101.1:316

Заєць В. М.,
аспірантка кафедри філософії, Житомирський
державний університет ім. Івана Франка
(Україна, Житомир), 1242743@mail.ru

Медіа–насилля в суспільстві споживання: світоглядно–комунікативний аспект

Порушено актуальну проблему медіа–впливу на особистісний світогляд, оскільки у суспільстві споживання медіа–засоби виступають основним джерелом отримання індивідом інформації. Особливу увагу акцентовано на функціях і ролі медіа–засобів у суспільстві споживання, особливостях створення й кодування медіа–повідань, способах подачі інформації споживачеві та небезпеці, яку приховує інформаційна революція. Крім того досліджено явища «самоампутації» й «нарцисичного трансу», які здатен переживати індивід внаслідок контакту із медіа–засобами; розвінчено міфи суспільства споживання; аналізовано механізми знищення межі між реальним та віртуальним світами й створення гіперреальності медіа–засобами, зокрема телебаченням; вказано на основні причини необхідності встановлення інформаційних блоків та описано способи протидії негативному медіа–впливові.

Ключові слова: конс'юмеризм, інформація, медіа–насилля, «самоампутація», «нарцисичний транс», симулякр.

У сучасному глобалізованому суспільстві ідеологія конс'юмеризму поступово стає домінуючою, а споживацтво виходить за межі побутового життя й стає складовою культури. З розвитком засобів масової інформації з'являється універсальна публіка з однаковими вподобаннями та інтересами, яка споживає ідентичну інформацію. Основними засобами отримання індивідом інформації стають інтернет і телебачення, котрі, не зважаючи на свій прогресивний характер, здатні докорінно змінювати світоглядні особистісні імперативи.

Медіа–засоби, володіючи надзвичайно широким спектром можливостей, не лише відкривають перед індивідом нові горизонти пізнання, але й повністю підкорюють його чуттєву сферу. За умови відсутності інформаційного блокування, медіа–повідомлення здатні на підсвідомому рівні руйнувати особистісну систему цінностей і нав'язувати індивідові нові ідеали та життєві переконання. Систематичний та регулярний вплив медіа–засобів сприяє стиранню межі між реальним та віртуальним світами, створює навколо індивіда соціальний вакуум, який, в свою чергу, може стати причиною формування фанатичної свідомості. Таким чином, наслідком негативного впливу медіа–засобів на свідомість особистості є формування масової людини зокрема та «змасовування» суспільства загалом. Проблема впливу медіа–засобів на формування світоглядних імперативів надзвичайно актуалізувалася в епоху глобалізації. Особливо актуальним є дослідження даної проблеми в контексті аналізу суспільства споживання, у якому засоби масової інформації стали основним джерелом отримання інформації.

Метою даної статті є дослідження специфіки впливу медіа–засобів на особистісний світогляд у контексті аналізу сучасного суспільства споживання.

Особливості впливу медіа–засобів на світогляд особистості в умовах сучасності були предметом дослідження багатьох науковців, зокрема М. Лозинського, Б. Потятиника, І. Машенка, Д. Журбова, Ю. Пачковського, Д. Мандера, С. Кара–Мурза, Е. Ланкіна, М. Садовського, А. Глискова, М. Рокешо, С. Болл та інших. Так, М. Лозинський та Б. Потятиник займалися співставленням позитивних та негативних особливостей медіа–впливу, Д. Журбов у своїх наукових дослідженнях акцентував увагу на перетворюючих можливостях телебачення, І. Машенко здійснив дослідження медіа–впливу в контексті аналізу основних характеристик сучасного суспільства. Тлумаченням концепту «суспільство споживання» та дослідженням його ознак і принципів займалися А. Боровська, О. Є. Висоцька, Н. Доній, Л. П. Заславська, Н. О. Зінченко, Я. В. Зоська, Ш. Костек, В. Ю. Осипова, К. Пляжик, О. Б. Сінкевич, А. С. Соловйова, Н. В. Спиця, В. Н. Фурс, Б. Шор, Т. Яковенко. Аналізуючи ідеї Ж. Бодріяра, вітчизняні науковці намагалися співставити ознаки «суспільства споживання», які виокремлює французький мислитель, з визначальними рисами сучасного українського суспільства.

Глобалізаційні процеси в сучасному суспільстві характеризуються системністю та охоплюють усі сфери суспільного життя. В умовах глобалізації суттєвих змін зазнав зміст різноманітних соціальних явищ, серед яких особливе місце належить насиллю.